

В маленьком дворике у подножия горы царили тишина и покой, но в самой деревне, в доме семьи Чэн, всё перевернулось вверх дном...

— Не поверю, что на свете нет справедливости! Ты столько лет верой и правдой служил в этом трактуре, как они могли избить тебя ни за что ни про что?! — в гневе кричала Цянь-ши.

Старуха Чэн тоже убивалась по лежащему на кровати старшему внуку: — Это дело нельзя так оставлять! Они обязаны выплатить компенсацию! — причитала она, хлопая себя по бедрам.

Чэн Гуанцзун лежал на кровати с багровым лицом и внезапно рявкнул: — Бабушка, мам, вы можете оставить меня в покое?!

Чэн Яоцзу стоял в дверях, с издевкой глядя на «свиное рыло» старшего брата: — Брат, вся семья за тебя переживает, как ты разговариваешь с бабушкой?

Гуанцзун ударил кулаком по кровати, свирепо глядя на младшего: — Заткнись! Не твое дело! Лучше бы книжки читал. В городе двенадцатилетние мальчишки в этом году уже сдали экзамен на туншэна (первая ученая степень)! А ты на что годен, кроме как деньги переводить?..

Гуанцзун всё больше презирал младшего брата. Раньше он надеялся, что тот выбьется в люди и обеспечит семье безбедную жизнь, но Яоцзу оказался никчемным бездельником, который не мог сдать даже простейший экзамен.

Каждый месяц он таскал своих сокурсников в трактир к брату, набивая пузо за его счет и заставляя Гуанцзуна покрывать расходы.

Вспоминая, сколько серебра он в него вбухал, и думая о сегодняшнем позоре, Гуанцзун закипал от ярости.

«Никчемные! Все никчемные! Даже Чэн Шидун, этот покойничек, был полезнее вас!»

Лицо Яоцзу позеленело: — Ты... это ты говоришь, что я трачу деньги? По крайней мере, меня палками из города не гнали!

Старуха Чэн, видя, что дело не решается, а внуки вот-вот подерутся, поспешно утащила Яоцзу в свою комнату.

— Дзу-эр, не сердись на брата, у него сегодня просто настроение плохое!

Яоцзу со злобным блеском в глазах едва не лопался от гнева: — Бабушка, я же для его блага! Как он смел так с вами разговаривать? В городе сейчас работу днем с огнем не сыщешь. Брат хоть маленьким управляющим был, а теперь его вышвырнули. На что мы жить будем? Раз он считает, что я трачу лишнее, завтра же заберу документы из школы! Не буду учиться... — Он знал, что старуха этого не допустит.

— Нет, мой Дзу-эр! Нельзя бросать учебу! — запричитала бабка.

Она взяла внука за руку и, оглядевшись, шепотом добавила: — Иди учись спокойно, о домашних делах не заботься.

Она пошарила в изголовье кана и достала два ляна серебра.

— Вот, завтра иди на занятия. Если понадобятся деньги — скажи бабушке. Тебе нельзя

становиться таким же деревенщиной, как эти мужланы.

Яоцзу для вида пару раз поотнекивался, но позволил бабке впихнуть серебро ему в руку. Тут же на его лице промелькнуло самодовольное выражение — завтра можно будет зайти в «Терем Лазурных Облаков» выпить пару чарок.

При мысли о красавице Мэнжу его сердце сладко заняло.

Тем временем Цянь-ши, дождавшись, пока все уйдут, шепотом спросила сына: что же всё-таки произошло?

Чэн Гуанцзун долгое время был мелким управляющим по закупкам в трактире «Благодатная обитель». Дела в заведении шли неважно, и сверху прислали проверку.

Обычно при плохой торговле и проверять-то нечего, но в тот день старший приказчик (главный управляющий) решил рискнуть. Увидев, как популярен «Пир из целого барана» в соседнем ресторане «Цичжэньсюань», он захотел выслужиться перед начальством. Если бы план удался, старого хозяина лавки могли отозвать в уезд за нерадивость, а приказчик сел бы на его место.

Они купили обычную овцу, выдали её за дикую горную и тоже закатили «пир». Вообще-то, закупщики всегда подворовывали: завышали цены в отчетах, брали товар похуже качеством — это был секрет полишинеля. Пока суммы были скромными, хозяин закрывал глаза.

Беда пришла откуда не ждали.

Проверяющий из главного управления еще до приезда в трактир прослышал о небывалом успехе «Цичжэньсюаня». Он тайно сходил туда, попробовал мясо и случайно встретил их закупщиков. Те честно ответили, где берут диких баранов. Проверяющий послал своих людей, но те опоздали — всё было распродано. Однако вкус настоящего дикого барана проверяющий запомнил навсегда.

Вернувшись в свой трактир и попробовав «местный деликатес», он сразу почуял неладное. И вкус не тот, и текстура мяса. Он вызвал закупщиков и спросил в лоб: «Это дикая овца?».

Старший приказчик и Гуанцзун, не чуя беды, радостно закивали: «Да-да, она самая!».

Проверяющий тут же бросил палочки на стол и потребовал счета. Выяснилось, что за овцу ценой в пять лянов они отчитались как за восемь. А настоящий дикий баран в «Цичжэньсюане» стоил десять — обман вскрылся мгновенно.

Разумеется, Гуанцзуна сделали козлом отпущения. Приказчик моментально «вспомнил» все его мелкие кражи, откаты и то, как он кормил родственников бесплатно. Сам приказчик вышел сухим из воды.

Гуанцзун пытался огрызаться, крича, что это приказчик его заставил, но повара и прислуга, давно бывшие в сговоре с начальством, единогласно дали показания против него. Даже его собутыльник Сунь Второй его не поддержал.

Гуанцзуна с позором уволили. А за то, что он пытался оклеветать приказчика, на обратном пути его поймали в темном переулке и «надели мешок на голову» (избили). Трактир выставил счет: до конца года он обязан вернуть сто двадцать лянов серебра — сумму всех его «откатов» за годы службы. В противном случае — тюрьма.

Услышав это, матушка Чэн-Цянь едва не лишилась чувств.

— Откуда нам взять столько денег?! Сто двадцать лянов! Это же заживо кожу сдирают!

Гуанцзун с видом обреченного проворчал: — Не знаю. Пускай в управу забирают...

Матушка смотрела на когда-то статного старшего сына, который теперь лежал побитым и раздавленным. Сердце её болело от жалости, но и злость душила — где взять такую сумму? Ресурсы семьи и так были истощены... В доме Чэнов воцарился хаос.

У Вэй Цю же вечер прошел спокойно. Поужинав, он запер кур в сарае, умылся и, по привычке положив палку у изголовья, лег спать. Одинокая жизнь приучила его к мерам самообороны.

«Интересно, вернется ли Шинань завтра? Уже два дня прошло...»

Небо было тяжелым, ветер стих, но стало гораздо холоднее. Линь Цао говорил, что это к снегу. В эти две ночи Вэй Цю часто просыпался от холода. Когда Шинань был дома, он всегда вставал под утро, чтобы подбросить дров в печь. Теперь же делать это было некому.

В полусне Вэй Цю по привычке пытался прижаться к теплему боку Шинаня, но, натываясь на пустое место, окончательно просыпался и лез к печи сам. Засыпая снова, он невольно улыбался: оказывается, за это короткое время Шинань приучил его к такой заботе, что без него жизнь казалась неудобной.

<http://bllate.org/book/17091/1598810>